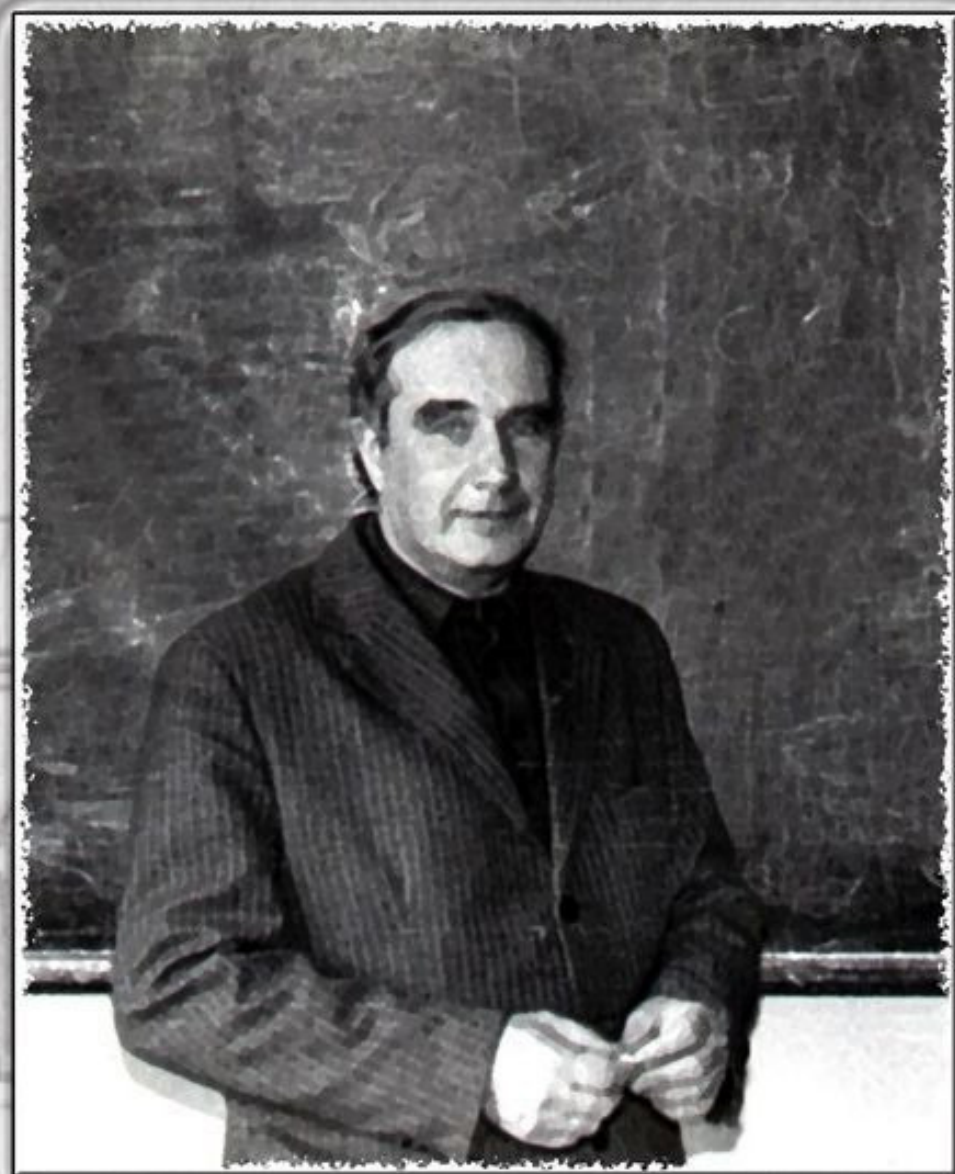

18+

ВИКТОР ЧУЛИН

ЗА ТОМИКОМ ЧЕВЫШЁВА

**Денис Артемьевич
ВЛАДИМИРОВ**

Виктор Улин

**Денис Артемьевич Владимиров.
За томиком Чебышёва**

«Издательские решения»

Улин В.

Денис Артемьевич Владимиров. За томиком Чебышёва /
В. Улин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-605612-1

Рассказывая о своем старшем друге, доценте кафедры математического анализа Ленинградского государственного университета Денисе Артемьевиче Владимирове (1929—1994), автор пишет о математико-механическом факультете, на котором учился в 1976—1984 годах, вспоминает старых профессоров и пытается вернуть атмосферу прежних времен, поведать читателям о мире математиков и порой вызвать добрую улыбку.

ISBN 978-5-00-605612-1

© Улин В.

© Издательские решения

Содержание

1	6
2	8
3	10
4	13
5	16
6	20
7	23
8	27
9	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Денис Артемьевич Владимиров За томиком Чебышёва

Виктор Улин

*Памяти моей мамы
Гэты Васильевны Улиной,
а также всех ее друзей и сокурсников
по математико-механическому факультету
Ленинградского государственного университета
рубежа 40-х и 50-х годов прошлого века*

*Дизайнер обложки Виктор Улин
Иллюстратор Виктор Улин*

© Виктор Улин, 2023
© Виктор Улин, дизайн обложки, 2023
© Виктор Улин, иллюстрации, 2023

ISBN 978-5-0060-5612-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ассоциативные ряды сознания редко поддаются стороннему анализу.

Во всяком случае, когда человек, в голове которого они выстраиваются, представляет собой сочетание несочетаемого. Как это происходит с автором этих строк – по первому образованию математиком, по второму – литератором.

*Уверен, вряд ли кто поймет, почему английский фильм о золотой поре между 1-й и 2-й мировыми войнами «**Ladies in Lavender**» вызвал в моей памяти имя, которым озаглавлена книга.*

Уточню; мысль возникла не сама по себе, а когда на экране шла картина британской деревни – обмолот зерновой культуры, по-видимому – ячменя.

Я увидел классический локомотив и сразу понял, что и о ком должен написать.

1

Обозначу цепочку позвенно:

локомотив – регулятор – Вышнеградский – Ляпунов – Чебышёв – Владимиров.

Теперь поясню. Тем более, что ни сущности, ни персоналии современному читателю не общеизвестны.

Локомотивом именовалась передвижная паровая машина, использовавшаяся с конца позапрошлого века до первой трети прошлого. Внешне устройство напоминало паровоз без будки, только само никуда не ездило, крутящий момент выводился на шкив, приводной ремень шел к молотилке, веялке, мельнице, еще бог знает какому механизму без своего двигателя. Разумеется, локомотив был практически неизвестен в России, где основой сельского хозяйства всегда служил упорный, безмозглый труд. А классический фильм про добрую старую Англию времен последних Георгов и Эдуардов без него не обойдется. Черно-зеленая, сверкающая медными частями машина на ажурных колесах с красными спицами служит своего рода символом страны, подарившей миру великого Джеймса Уатта – автора единицы мощности «лошадиная сила» (ныне переводимой в Ватты по его имени), революционера техники, изобретателя паровой машины.

Регулятор служил одним из важнейших ее элементов. Устройство было простым: вместе с осью вращались шарнирно закрепленные коромысла с грузами на концах. Под действием центробежной силы они расходились и тянули рычаг заслонки, которая управляла подачей пара в цилиндры. Разогретая, машина набирала обороты до определенного момента, затем выходила на стабильный режим. В фильме локомотив был сама уверенность: гремел, гнал дым и шипел паром; брезентовый ремень в руку шириной весело хлопал по шкиву. Регулятор крутился идеально – грузики (красные, как яблоки-ранетки) не поднимались и не опускались, разошлись на нужный угол.

Иван Алексеевич *Вышнеградский* (1831—1895), русский ученый-механик, довел систему до совершенства. Дело в том, что по мере развития паровых машин, увеличения мощности и повышения качества изготовления (снижающего трение как основу механической обратной связи) центробежный регулятор Уатта стал проскакивать равновесное положение. Вышнеградский применил теоретическую механику и основал теорию устойчивости систем регулирования.

Александр Михайлович *Ляпунов* (1857—1918), русский математик и механик, совершил подъем на следующий уровень. Он создал теорию устойчивости решений дифференциальных уравнений, которая используется в таком количестве областей, что их невозможно перечислить. Во всяком случае, без рассмотрения «*Общей задачи устойчивости движения*» (как поименована тема докторской диссертации Ляпунова) сегодня не поднялся бы на орбиту ни один космический корабль. О человеческих качествах, об эмоциональной высоте ученого говорит тот факт, что он покончил с собой, оказавшись не в силах перенести кончину жены.

Пафнутий Львович *Чебышёв* (1821—1894), фамилию которого иногда произносят как «*ЧЕБЫШЕВ*», пришел не только из аллитерации инициалов с буквами «*П*» и «*Л*» в фамилии Ляпунова. Величайший русский математик XIX века, продвинувший вперед теорию вероятностей (предтечу математической статистики, без которой мертвы современные общественно-экономические науки), занимался также теоретической механикой, был учителем Ляпунова.

Но чем связан с Чебышёвым советский математик Денис Артемьевич Владимиров (1929—1994), доцент кафедры математического анализа математико-механического факультета Ленинградского государственного университета имени А.А.Жданова?

Что связало в памяти имена, я скажу в соответствующем месте.

А вспомнил я о Владимирове потому, что никогда о нем не забывал.

2

В отличие от Онегина, судьба меня хранила не сильно. Точнее сказать, не хранила вообще. По теме мемуара освещу некоторые аспекты.

Мой отец, хирург Виктор Никитович Барыкин, погиб 29-летним в конце июля 1959, когда мне было 5 дней от роду. Неосторожно перебегая улицу Ленина, споткнулся, уронил очки и попал под трамвай, не заметив его приближения. Сейчас о том факте не напоминает ничего; даже трамвайная линия на некогда главной улице Уфы демонтирована и место ее пролегания не один раз покрыто асфальтом.

Но сломанная у начала, жизнь все 6 десятков лет шла вкривь.

Как априорно не могла идти у человека, носящего «квадратные инициалы» в честь погибшего отца. Ведь это у иудеев считается добрым имя покойника, а я иудеем – увы – не был; фиксация памяти принесла только неудачи.

У меня был замечательный дед, Василий Иванович Улин (1907—1980), партийно-хозяйственный работник, великий человек и страстный любитель жизни. Но даже 100 лучших на свете дедушек никогда не заменят 1 отца. И потому всю жизнь, сколько себя помню, я тянулся к мужчинам отцовского возраста.

К сожалению, в Уфе таких находилось мало; (мой старший друг, математик Эрнст Гергардович Нейфельд (1932—2008) служит *exceptio confirmat regulam*). Но в чем-то повезло и мне; я учился в Ленинграде, на том же матмех факультете ЛГУ, где в 40-50-х училась моя мама Гэта Васильевна Улина (1930—2001), доцент Башкирского госуниверситета. Жил там 8 счастливых лет (5 студентом +3 аспирантом) в 1976—1984, и меня окружали замечательные мужчины, каждого из которых мне хотелось бы видеть отцом... а кое-кто мог стать моим тестем.

Упомяну лишь нескольких, самых главных.

Познакомился я с этими людьми в переломный период – летом 1973, на пороге 14 лет, когда мама привезла меня в город своего довоенного детства и счастливой послевоенной юности. Ставший потом городом моей молодости (хоть и не чрезмерно счастливой) и городом моей жизни.

Перечислю их по алфавиту, не имея желания назначать приоритеты.

Игорь Николаевич Максимов – бывший Соловецкий юнга, бывший боцман Черноморского флота, ветеран ВОВ, кандидат химических наук, муж маминой сокурсницы Елены Александровны Быковой и отец моей одноклассницы Миланы, в которую я был влюблен целых 3 класса средней школы, 8-9-10 (узнав ее году в 1960, еще не научившись говорить, и возобновив знакомство в 74-м). Игорь Николаевич, колоритнейший человек, оказал на меня наибольшее из «отцовских» влияний. Он открыл мне Высоцкого (каюсь, но в нужное время и я пережил короткий период подросткового увлечения) и повторял, что «*Сентиментальный боксер*» – не «*Песня о буревиестнике*» с точки зрения запоминаемости. С ним за столом я выпил первую рюмку водки. Его дом был мне даже не вторым, а 1-м домом весь ленинградский период жизни: не только годы учебы, но и последующие 10 лет моего неудачного «ленинградского» брака. В позднейшие времена, я посвятил памяти Игоря Николаевича один из своих рассказов, фабула которого была поведена им.

Борис Иванович Рылов (с ударением на 2-й слог) – главный инженер «Ленэнерго», статный красавец, рядом с которым Шаляпин показался бы кривоногим колхозником, рожденным на гумне. Он был мужем маминой одноклассницы, ученого-востоковеда башкирки Риммы Гатовны Бикмухаметовой, решившей вопрос семейной жизни в аспирантуре. Борис Иванович – поработавший на Кубе и никогда не упускавший возможность ласково сказать «*муча грациас*» – без сомнения, оказался самым харизматическим человеком из всех, кого я знал.

Когда я бывал у них в гостях и хозяину дома приходилось поднять трубку телефона, он говорил коротко: «да, РылОв» – и у меня замирало сердце от сознания, сколь близко я знаком с женщиной, привыкшим нести ответственность за свои слова. Он рассказывал, как при ремонте в здании «Ленэнерго» (на закругленном углу начала Невского проспекта, где каждый год с 1 по 9 мая во все 5 этажей висело полотнище с портретом Леонида Ильича Брежнева перед 5-ю микрофонами) в одном из кабинетов на шкафу была обнаружена разлитая ртуть: медленным отравлением сводили счеты с каким-то начальником. Ярким впечатлением жизни самого Бориса Ивановича осталась поездка в Уфу и застолье с моим дедом, который (подобно Игорю Николаевичу относительно меня) научил его наслаждаться водкой – вынутой из холодильника, холодной и запотевшей, с закуской из рыжиков в сметане... С долей тоски отмечу, что у меня имелась возможность породниться с замечательным человеком, поскольку его старшая дочь Анна (упомянутая во многих мемуарах), обладавшая знойной красотой мулатки, мне сильно нравилась в школьно-студенческие времена. Сказав очередное «увы», признаюсь, что этот шанс – вероятно, лучший в жизни! – я упустил... как и почти все другие.

Лев Васильевич Симбирцев – оператор-документалист, чей отец, тоже кинооператор, Василий Иванович (не путать с моим дедом!), считается одним из создателей Узбекского кино. Он был с детства дружен с Еленой Александровной, естественным образом стал другом Игоря Николаевича (узнав обоих, я шутил, что при перемене отчеств они стали бы полными тезками Толстого и Курчатова), познакомились мы в 1973, потом встречались у Максимовых во всякий его приезд из Ташкента. Лев побывал везде, где только можно, видел и знал всё, его кусали все животные, кроме льва (кажется, даже медведь!), но самыми страшными считал укусы кошки. Рассказы Симбирцева – основанные на фактах и приправленные тонким вымыслом, без которого устный жанр умирает – я мог слушать бесконечно. А году в 1982 – кажется, на свадьбе Миланы (которая к тому времени перешла из разряда любовей на высоту подруг детства) мы развлекались втроем. После ухода чужих мы закрылись в столовой, прикончили бутылку коньяка (не помню, какую по счету за тот вечер), высыпали из коробки остатки шоколадного «Ассорти» и заполнили ячейки чаем. Лев разливал заварку, Игорь Николаевич добавлял кипятка, а я – самый трезвый – контролировал прецизионный процесс.

Прерывая список, покаюсь. Точнее, признаюсь: из последних 3 абзацев читатель сделает вывод, что все главные воспоминания прежней жизни связаны у меня с выпивками. Разубеждать не стану; непьющий мужчина видится мне такой же досадной ошибкой природы, как некрасящаяся женщина.

Правда, автор уже 2 года сам себе видится именно ошибкой... Но уходить в грусть не хочется, в жизни и так осталось мало веселья.

Выскажу лишь одно своих из глубоко прочувствованных мнений:

в России пьянство – не порок, а способ выживания.

К теме я вернусь, пока продолжу.

Денис Артемьевич Владимиров как человек, реально вошедший в мою жизнь, может быть упомянут в том же списке 1973 года, но внутренняя связь с ним является более глубокой.

Его имя с детских лет было атрибутом моего бытия.

Мы дружили с Владимировым всю жизнь. Точнее, целых 2 наложившихся жизни: от начала моей до конца его.

3

Трудно писать словами портрет героя, который автору ближе собственного отражения в зеркале. Попытаюсь нарисовать так, чтобы все увидели его моими глазами.

К сожалению, ни одной фотографии Дениса Артемьевича у меня нет. Не просто не сохранилось – не было никогда. Сработал извечный принцип, по которому мы пренебрегаем физической памятью близких людей. Близких настолько, что они начинают казаться неотделимой частью и не требуют фиксации образа... пока не наступает время, когда становится некого фиксировать.

Единственное фото, помещенное на обложку этой книги, взято из старого университетского поста. Мой старший друг – моложе меня нынешнего – стоит там со своей привычной улыбкой, как живой. Правда, пришлось убрать с доски дифференциальное уравнение в частных производных, не имеющее отношения к его научной специализации.

Я знал Владимирову и более молодым и достаточно пожилым. Будучи художником – не только художником слова, но и живописцем, графиком, фотографом... – всю жизнь я привык находить что-то общее в людях, меня волнующих. Причем как внутренне, так и внешне. Определив ассоциацию – даже не ассоциацию, а имманентную связь – я ощущаю, как личности, соединенные в душе, становятся мне вдвое, втрое, вдесятеро симпатичнее, нежели были до внезапно пробившей искры.

Денис Артемьевич Владимиров у меня связан с Ростиславом Яновичем Пляттом – даром что великий актер пришелся бы ему в отцы.

Во все периоды жизни, во всех совпадающих возрастах – от довоенного «*Подкидыша*» до «*17-ти мгновений весны*» – Владимиров и Плятт имели сильное внешнее сходство. И черты лица и стиль поведения и даже манера говорить казались идентичными.

Но внешнее оставалось бы не столь существенным, не объединяя этих людей внутреннее благородство, которое невозможно было скрыть ни особым случаем, ни радикальным гримом.

Впрочем, Плятт – один из немногих известных артистов – никогда не играл людей неблагородных; равно как Владимиров умел сохранить лицо в любых ситуациях, на которые богат ученый мир.

Стоит отметить также, что любимого актера я всю жизнь считал евреем и по внешности и по врожденным качествам; лишь недавно узнал, что в самом деле по отчеству он не Янович, а Иванович, наполовину поляк и наполовину украинец.

(Как Юрия Визбора, оказавшегося не Иосифовичем, а Юзефовичем, тоже аттестовал евреем, не зная его прибалтийских корней.

Абзацы и целые фрагменты, взятые в скобки, играют здесь ту же роль, как необязательные отступления в математических учебниках, набранные петитом, то есть «*мелким шрифтом*».

Они не относятся непосредственно в судьбе моего героя – просто инспирированы мыслями о нем.)

А вот Денис Артемьевич Владимиров мог считаться евреем по материнской линии.

Да и вообще все русские математики XX века были евреями.

На этот счет я имею свое мнение.

Математика является не только гимнастикой для ума, но занятием, требующим изначального уровня интеллекта. А о каком национальном интеллекте могла идти речь в эпоху победившего пролетариата? Нет ничего странного в том, что лучшие представители потомственной русской интеллигенции, самые острые умы уничтожались, гноились в тюрьмах, губились

в лагерях, ссылались, принуждались к эмиграции... да просто гибли как личности, вынужденные зарабатывать на хлеб деятельностью, достойной дрессированного животного. Выжить интеллектуально в условиях СССР могли только евреи – народ, тысячелетиями привыкший бороться за право существования и хранить свои лучшие качества хоть при фараонах, хоть при немцах, хоть при коммунистах.

(Предвижу возражение читателей, знающих меня хорошо.

Да, будучи аристократом по отцу, с маминой стороны я потомок коммунистов. И сам лучшие годы жизни провел в комсомольской деятельности.

Но дед мой Василий Иванович, профессиональный партийный работник, был деятелем не идеологическим, а хозяйственным, нужным любой власти. Позже стал кандидатом не исторических, а экономических наук.

Равно как и я, будучи заместителем секретаря комитета ВЛКСМ факультета по академической работе, делал дело главное и необходимое при любой идеологии: обеспечивал учебный процесс «снизу», заставляя лодырей учиться.

Стыдиться мне нечего, противоречий нет.)

Россия жила, пока в ней жили евреи.

Всех преподавателей математико-механического факультета ЛГУ моих времен: ярких, талантливых, влюбленных в науку – я перечислять не стану, да и не смогу; прошло 40 лет, не хочу обижать кого-то из-за потери памяти. Назову, пожалуй, трех.

Михаил Захарович Соломяк (1931—2016), сокурсник моей мамы, профессор кафедры математического анализа, представлял образец математика-энциклопедиста. Соломяк знал всё – а если оказывалось, что даже он чего-то не знает, всегда мог дать нужную ссылку. Внешний вид Михаила Захаровича всегда оставался таким, что казалось – на доске за него пишет невидимый ангел. Сын его Боря (тоже профессор), победитель международной математической олимпиады 1976 года, – утонченный, как лондонский *dandy* – был одним из самых уважаемых моих сокурсников.

(Позже, в уфимские времена, на математическом факультете Башкирского госуниверситета я по созвучию фамилий перенес симпатии на своего коллегу по кафедре матанализа, доцента Израиля Айзиковича Соломеща.)

Еще один мамин сокурсник (сын советского математика Исидора Павловича Натансона (1906—1964)) – Гаральд Исидорович Натансон (1930—2003), читавший нам курс математического анализа – остался идеалом университетского лектора, к которому я стремился четверть века педагогической деятельности. Лекции профессора Натансона могли быть изданы по фотографиям с доски как идеальный учебник. А неподражаемые усы Гаральда Исидоровича – заядлого курильщика и первого бриджиста Ленинграда – дали бы 100 очков вперед самому Геркулесу Поироту.

И, наконец, вспомню профессора старшего поколения – Соломона Григорьевича (Залмана Гиршевича) Михлина (1908—1990), выдающегося специалиста в области уравнений с частными производными и вычислительных методов. Ученика известнейшего математика XX столетия академика Владимира Ивановича Смирнова (1887—1974), доктора наук с 1935 и профессора с 1937 года, учителя Михаила Захаровича Соломяка. На кафедре математической физики, с которой выпускался автор этих строк, Михлин читал спецкурс по вариационным методам. Всякая его лекция была небольшим спектаклем. Мы забывали о способах оценки верхней границы числа обусловленности метода Галеркина, мы сидели в партере и наслаждались каждым словом, каждым жестом Соломона Григорьевича, мы пили его мяг-

кие интонации. Маленький, добрый, сияющий от чистоты, с могучим лбом, аккуратной бородкой и подстриженными усами, он имел внешность Ленина – каким мог быть вождь мирового пролетариата, оставь кровавые дела и сделайся добрым дедушкой октябрят. На нашем курсе учился внук Соломона Григорьевича, Леня Михлин – африкански жгучий красавец.

Евреями были и многие мои сокурсники из числа тех, которых хочется вспомнить.

Например, Лёня (Леонид Соломонович) Овэс, живущий сейчас в Вашингтоне.

Или нынешний житель Филадельфии Миша Чеповецкий – миниатюрный и всегда чуть печальный «*Чина*». С обоими мы вместе учились в спецгруппе английского языка.

(Теперь ясно, что судьба давала мне шанс. Что еще в студенческо-аспирантские времена мне стоило жениться на любой из миленьких близняшек Гондельсман (на одной из них – кажется, Рите – женился Боря Соломяк) и сейчас счастливо жить в Израиле, забыв слово «*Россия*»).

Но в те времена такие вопросы меня еще не трогали. Я был поглощен учебой (которая давалась страшным трудом...) и приятными сопутствующими делами.

К последним относились комсомольская работа, написание прозы, сочинение стихов, живопись, графика, лаковая роспись, изучение архитектуры и теории музыки, посещение филармонических концертов, игра на гитаре и кларнете, собирание почтовых марок и моделей железной дороги, бальные танцы...

И, конечно, женщины, в сладостный мир которых я входил... хоть и куда медленнее, чем стоило.

Но тем не менее я ощущал общую ауру, которая вернулась сейчас памятью подсознательных впечатлений.)

Дениса Артемьевича Владимирова не один я считал одним из самых ярких преподавателей матмеха.

Например, тот же Лёня писал мне в контакте:

Дениса Артемьевича помню, но у него не учился.

На самом деле «*но*», рожденное контекстом диалога, имеет смысл «*хотя*».

И это не случайно.

Не помнить Дениса Артемьевича Владимирова, даже у него не учившись, невозможно.

Людей его уровня за всю жизнь я знал лишь нескольких, а ему подобных – ни одного. При том, что – не устаю повторять в мемуарах – общением судьба меня не обделила.

Сила его личности выражалась не в колоритной внешности, не в манере по-особенному читать лекции. Она открывалась человеку, подошедшему на достаточно близкое расстояние.

Мне выпало счастье быть в числе таких.

4

Предваряя законный вопрос: выше озвучены имена, чьи биографические детали я освежил по «*википедиям*» – скажу, что великим, выдающимся или просто достаточно известным математиком Д.А.Владимиров не был.

Но будучи математиком сам, выражу свою точку зрения.

XX век априорно не мог дать миру ни одного всерьез великого математика; наука изжила себя XIX-м.

Нет, я выразился неточно.

В позапрошлом веке она достигла достижений, аналогичных оперным сочинениям Вагнера, про которые Римский-Корсаков сказал, что гениальный немец достиг таких абсолютных высот совершенства, после которых «*дальнейший прогресс невозможен без вреда для самой музыки*».

Математика зиждется на триединстве составляющих:

– *алгебры* (выросшей из арифметики) как учения об объектах абстрактной природы на основе исчисления реальных,

– *геометрии*, изучающей наглядные структуры,

– математического *анализа*, науки о связях всех мыслимых величин.

Впоследствии от 3-х источников отпочковались специализированные дисциплины. Но каждая фундаментальная наука как способ отражения мира на основе знаний (в отличие от религии, оперирующей верой) имеет собственный срок великих открытий, по истечении которого переходит на частный уровень.

Начавшись с Архимеда, Пифагора и Фалеса, классическая математика прошла через эру Эйлера, Ньютона, и Коши и в общем закончилась на Римане, Гауссе, Вейерштрассе, Фредгольме, Минковском.

Современная математика пережила эпоху познания сущностей, сейчас она распалась на 2 направления. Это бесконечное углубление на собственной основе, решение частных задач (иногда узкоспециализированных до полной бессмыслицы) и приспособление (условное с точки зрения строгой теории) аппарата для использования в областях, к ней отношения не имеющих.

Здесь мы имеем ту тенденцию, что несколько веков назад обозначил Леонардо да Винчи: в любой науке ровно столько науки, сколько в ней применяется математики.

Глобальная математизация знаний имеет основой не только строгость причинно-следственных связей.

Мы живем в эру общего инфопространства всех областей человеческой деятельности. А компьютер – который несведущие видят искусственным мозгом – умеет лишь складывать нули и единицы, и делает это с помощью программ, использующих алгоритмическую идеологию. Недаром гениальный еврей Норберт Винер – создатель науки «*кибернетика*», развившейся в нынешние «*ИТ*» – книгу о своей жизни назвал просто: «*Я – математик*».

Эра математических открытий миновала – как миновали когда-то эры великих открытий географических, биологических, химических. Творцов принципиально новых направлений не будет уже никогда. Но зато небывалую роль играют ученые, посвятившие жизнь систематизации знаний, разработке новых взглядов, выявлению общих связей между разными областями математики – деятельности, приближающей науку к жизни.

Из подобных мне приходят на ум Фихтенгольц, Канторович... наш современник Кремер.

Денис Артемьевич Владимиров еще в 1969 году (когда издание своих сочинений требовало не денег, а ума) выпустил монографию под названием «*Билевы алгебры*».

(Эта книга, доступная сейчас в Интернете, имела в маминой библиотеке.)

Не буду говорить, кем был тот самый Буль (его имя обезличенно звучит в информатике) и какие алгебры (типы множеств с определенными свойствами элементов) он ввел в рассмотрение. Скажу лишь, что книга доцента Владимирова является учебником, хоть и весьма специализированным.

Выше я упомянул ряд профессоров. Денис Артемьевич был только доцентом, даже не пытался защитить докторскую диссертацию. Хотя по своему интеллектуальному уровню в сравнении с *«профессорами»* 21-го века он был действительным членом всех Академий мира.

(Сам я профессором бывал, даже целых 15 минут.

Когда заведующий кафедрой «ВЭГУ» – уфимской шарашкиной *«академии»*, где мне пришлось поработать, вывесил на дверь список сотрудников, неправильно указав титулы.)

Почему он не стал писать докторскую, имея задатки?

Об этом попытаюсь сказать в следующих главах.

Здесь отмечу парадоксальность личности своего героя: он был, пожалуй, самым русским человеком из всех известных мне евреев.

Именно русским евреем, имея черты обеих великих наций.

Еврейство его – с годами проявлявшееся сильнее – выразилось в качествах, которые видел Ремарк, вкладывая в уста своих героев слова о том, что *«еврей рождается старым»*.

Денис Артемьевич в молодости был красив, как Ростислав Плятт; я видел его на маминых, ныне утерянных фотографиях. Но и на них он выглядел слегка уставшим от жизни.

Когда я познакомился с ним, он был старым и по образу поведения.

Несмотря на непрерывные заботы жены Валентины Борисовны (его бывшей студентки, имевшей внешность актрисы Евгении Дмитриевой из фильма *«Заза»*), ходил всегда черт те в чем.

Однажды зимой мы с мамой встретили Дениса Артемьевича на улице. Впервые увидев старого друга в новые времена одетым по холодному сезону, она пришла в ужас:

– Боже мой! Денис! Что у тебя на голове?!

– Это шапка,

– спокойно ответил доцент Владимиров так, будто кто-то мог предположить, что на голову он надел валенок.

И улыбнулся своей привычной улыбкой, точь-в-точь такой, как на обложке:

– Она называлась «гоголь», мне не нравилась. Я ее перешил.

Мама молчала; даже мой великий дед (вырезавший для удобства языки у новых кожаных ботинок) не поднимался до высот превращения классической шапки в нечто среднее между феской из каракуля и прошлогодним вороньим гнездом.

– ...Вот и Ляля ругается – говорит, я не знаю на кого похож. А мне так удобно, понимаешь?

Этот довод был главным.

Стиль поведения Дениса Владимировича являлся не эпатажем, а оптимальным образом жизни.

На работе он часто появлялся в какой-нибудь уютной вязаной кофте на пуговицах – ума не приложу, как фотограф сумел уловить Дениса Артемьевича в костюме. Из аудитории выходил в таком виде, будто не читал лекцию о знакопеременных числовых рядах, а работал на фабрике, прессующей мел из порошка; даже нос его бывал белым.

(Попутно отмечу, в своей шапке доцент Владимиров напоминал автора «Исповеди» (по портрету из Шотландской национальной галереи, в меховом горшке на умной голове) – даром что Руссо звали Иваном Яковлевичем, а Денисом был другой мыслитель, Дидерот.)

Говорил он, мягко картавя и не заботясь, всё ли понимают слушатели.

Любил вздохнуть и посетовать, ненавязчиво побрюзжать, в поздние годы – лечиться от болезней, какие были и каких не было.

Во время застольной беседы утихомиривал жену – веселую и болтливую – программной фразой, всегда одной и той же:

– *Ляля! Не галди!*

И делал это с таким выражением, будто вокруг работали отбойные молотки.

(А мне ужасно нравилась нетрадиционное сокращение имени, которое использовал Денис Артемьевич.)

Впрочем, усталость от жизни была объяснима, о чем я тоже напишу.

И в то же время мой старший друг был одним из самых светлых людей, кого довелось знать. Оказавшись рядом, мне не хотелось покидать его теплое поле.

А относительно русскости скажу, что при словах «*классический русский барин*» я всегда вижу перед собой Дениса Артемьевича Владимирова.

Причем не только из-за того, что по отцу ему досталась замечательная фамилия – простая звучная, одна из самых благородных.

Хотя, увы, счастья быть баринком ему не выпало – равно как автору этой книги.

5

Моя мама родилась 8 ноября 1930 года в городе Ленинграде.

Ее дом (дореволюционный, бывший доходный, принадлежавший акционерному обществу гвардейских офицеров) на улице Красной Связи пощадили бомбежки; мама показывала те места во время первой поездки на берега Невы. Сообщение о войне настигло маму на дачной платформе Ольгино. Осенью 1941 она была эвакуирована в Уфу. Томимая памятью о детской среде обитания, после войны мама поехала учиться в Ленинград. Она могла остаться там навсегда: ее жених был ленинградцем. Ленинградцем мог стать и я, не умри мамин избранник от рака мозга между 4 и 5 курсами...

Но все произошло, как произошло; по окончании ЛГУ и аспирантуры мама простилась с Ленинградом, в Уфе от отчаяния вышла замуж за бывшего одноклассника.

(О том, какое отчаяние рождает в душе нормального человека возвращение из цивилизованного города в Уфу, я писал уж много где.)

Отсутствие любви в браке безвременно уничтожило отца, да и сама мама до конца дней не была счастлива. Воистину судьбы людские находятся в руках недоброго существа.

Денис Артемьевич Владимиров родился в 1929.

Увы, во времена возможностей я ничего не узнал о его глубоких корнях. Помню лишь, что в роду у него кто-то был художником. И происходил мой старший друг из такой семьи, что с его именем у меня ассоциируется само слово *«интеллигент»*.

(Позже в моей жизни появился еще один человек, тоже ставший символом интеллигента высшей пробы.

Им оказался сокурсник по Литинституту, петербуржец драматург Юрий Ломовцев.

Я наслаждался его обществом как источником светлой, чистой, разумной силы. А теперь понимаю, что даже внешне имелось сходство между Юрой и тем молодым Денисом Владимировым, какого я не успел застать.)

В Денисе Артемьевиче сконцентрировались лучшие черты мудрого русского интеллигента. Они видятся мне прежде всего в отношении к среде обитания.

Было во Владимирове – как в любом умном человеке – некое, я бы сказал, латентное фрондерство.

Например, переселившись в Старый Петергоф после того, как мат-мех факультет переехал на станцию *«Университет»* (по Балтийской железной дороге между Старым Петергофом и Мартышкино), при отлучке в Ленинград он всегда говорил, что едет *«в Петербург»*.

(Я и сам, пораженный тем же фрондерством, в студенческие времена именовал город Петербургом.

Но с тех пор, как пришедшие к власти *«демократы»* вернули Петровское название, говорю и пишу *«Ленинград»*.)

Но тем не менее он ни при каких обстоятельствах даже на словах не примыкал к осознанной оппозиции власти.

Как не мог примыкать нормальный человек, наделенный умом и талантом, занимающийся любимым делом, достигший в Советской стране служебного положения, имевшего доцентский оклад в размере 320 рублей (при зарплате рядового инженера – 120). К тому же

не вынужденный решать жилищные проблемы за свой счет, получивший от университета квартиру с «прибавкой» к норме площади в размере 18 м² – для рабочего кабинета, какие были положены при советской власти научным и творческим работникам.

(Я и сам, вернувшись в Уфу кандидатом наук, успел пожить при 18-метровой льготе ЖКУ; правда, доцентом стал уже во времена, когда интеллектуальный труд в постперестроечной России потерял свою оплаченную востребованность.)

Но все это: и звание доцента, и дополнительная жилплощадь – пришли к Владимирову в будущем.

А в 1941 году, двенадцатилетний, он жил в мрачном доме на Васильевском острове.

Эвакуироваться Денис Артемьевич не стал.

Причин тому я тоже не знаю.

Возможно, ехать было некуда (хотя кому из тех, кто маялся по Ташкентам и Уфам, было «куда»?).

На протяжении десятилетий муссировалась тема о том, что *«истинные ленинградцы, влюбленные в свой город, не могли бросить его в тяжелую годину»*.

(Правда, «година» по-украински означает не «год», а всего лишь «час».)

В этот пропагандистскую ложь я тоже не верю; лишь одурманенные коммунистическим духом люди могли обгаженные собаками углы дворовых «колодцев» и гранит Петропавловской крепости – главной тюрьмы России – ставить выше собственных, единственных и невозвратимых жизней. А семья Владимировых не принадлежала к социуму умственных рабов.

Скорее всего, с ними произошло то характерное, что уничтожило миллион их земляков, лежащих сейчас на полях мемориальных кладбищ Ленинграда – Пискаревского, Серафимовского, еще нескольких менее известных.

Сначала они пребывали в иллюзиях *«малой крови, могучего удара»*, потом не осознали угрозы, а потом...

Потом исчезла возможность уехать – и все скончались от голода, защищая замшелые стены.

(Ведь мама моя и бабушка уехали лишь потому, что дед, человек союзного масштаба, руководил эвакуацией одного из оборонных предприятий.)

А вот бабушкины родители *«бежать»* отказались, остались беречь квартиру на улице Красной Связи.

Дом выстоял, но прадедуска Александр Игнатьевич умер страшным февралем 1942 и похоронен в безымянной общей могиле.

Правда, прабабушка Дарья Дмитриевна была вывезена по Дороге Жизни и прожила в Уфе еще несколько лет.)

О блокаде Денис Артемьевич вспоминал без напряжения, хоть и без охоты.

Много позже, в 90-е годы прошлого века, когда я вступил на путь литературы, он прислал мне воспоминания о 900 днях.

Увы, я не мог помочь старшему другу реализовать творческое самовыражение; я сам был в полном загоне. «Башкинигоиздат», существовавший с незапамятных времен (и выпустивший в 1958 году книгу *«Развитие промышленности Башкирии»*, написанную моим дедом в соавторстве с крымским татаринцем из деревни Буздяк Ахметом Валеевичем (Мухаметвалеевичем) Янгуразовым (1910—1978)) стал *«Китапом»*. Всех авторов с *«некоренными»* фами-

лиями выбросили из планов, слетела и моя 2-я книга «*Конкурс красоты*», рекомендованная русской секцией Башкирского отделения СП СССР и несколькими годами ранее утвержденная издательским советом – что не позволило мне вступить в настоящий Союз писателей. Лишь с развитием электронных ресурсов эти записки были доведены до читателей.

К сожалению, не мною; не знаю кем: соратниками по матмех факультету ЛГУ или выросшим сыном Тёмой...

Но тогда, еще не освободившись от жизненных приоритетов уровня «*лишь бы не было войны*», я читал мемуары Дениса Артемьевича с непередаваемыми эмоциями.

Блокада Ленинграда – одна из самых трагических страниц в истории России. И в то же время это событие, требующее многих оценок причин и следствий.

Прочитав немодерированные (по современной терминологии) записки простого свидетеля тех дней, я посмотрел на историю блокады под несколько иным углом зрения.

Мне увиделась истинная правда тех лет: медленное угасание жизни при осознании безысходности.

Происходившее в блокадном Ленинграде было ужасом, для поименования которого в человеческом языке не найдется эпитетов.

И простые слова автора о том, что несмотря на бесчисленные слухи, он не видел свидетельств поедания человеческого мяса, подействовали на меня сильнее, нежели все прочитанные до той поры книги и просмотренные (не по одному разу) фильмы, художественные и документальные.

Так правдиво и страшно мог написать лишь такой человек, как он.

Но в блокадные времена Денис Артемьевич Владимиров был мальчишкой.

Сейчас трудно представить, как мог выжить маленький человек 12—14 лет – в период яростного формирования жизненных сил! – на «*детскую*» норму хлеба, 125 граммов в день.

И бесконечные поэтизации мужества не могли компенсировать недополученного в физиологическом аспекте.

По большому счету, все молодые люди, пережившие блокаду, пережили клиническую смерть, после которой начинали жить заново.

Но заново начать с «*нуля*» не удавалось никому; жизненный запас оказывался исчерпанным, а здоровье – подорванным, поскольку не бывает обратимых перемен к худшему.

Вот этот факт биографии и объясняет подмеченную не одним мной старость Владимирова. Блокада забрала у него полжизни уж в возрасте, в котором обычные люди ее лишь начинали.

Конечно, со мной могут поспорить, привести бесчисленные примеры людей, вставших со смертного одра, отряхнувшихся и зашагавших вперед с удвоенной бодростью.

Но у всех разные пороги чувствительности, о чем говорит вышеприведенная биография математика Ляпунова – умнейшего, но слишком чувствительного человека.

Порог Дениса Артемьевича Владимирова был невысоким.

Он невыносимо страдал посторонних звуков, имея очень тонкий слух. На новой квартире в Петергофе не мог уснуть, пока с дальней-предальной фермы доносился низкий гул доильного аппарата. И в том же доме (имевшем звукоизоляцию нулевого уровня) не спал от тонкого зуда до тех пор, пока не случился потоп: несколько суток свистела вода в «*автоматике*» унитаза у соседей сверху.

Но при всем том он был жизнелюбив, как мало кто.

Да и вообще, имея огромное количество знакомых «*блокадников*» (к которым относилась и семья моей 1-й жены), я могу сказать, что эти люди отличались приоритетами иными, нежели блокады не пережившие.

У них имелась специфическая идеология, рожденная памятью лет, когда утренние мысли не простирались дальше вечера (а порой и до него не доходили), поскольку жизнь висела на волоске и требовала осознания каждой минуты без планов на будущее.

Разумеется, кто-то был фанатиком идеи; всегда найдутся способные идти в огонь из-за разного количества пальцев в крестном знамении.

Иные, чудом выжив, пытались компенсировать годы висения над бездной заботами о себе с размахом египетских фараонов, весь остаток жизни строивших свои гробницы.

Но нормальные люди из числа тех, кто в постсоветские времена получил почетное звание «Житель блокадного города», отличались легкостью отношения к бытию.

«Блокадники» не стремились обзаводиться автомобилями, обставлять квартиры, никуда не рвались, не испытывали тяги к добротной дорогой одежде.

Они радовались жизни в простейших ее проявлениях: пили, гуляли, веселились при любом удобном случае, общались между собой и выезжали летом на местный курорт Сестрорецк.

И особенное отношение, по понятным причинам, эти люди проявляли к пище.

Еда для бывших блокадников представляла высшую ценность жизни, требовавшую особой заботы. Это выражалось порой в неразумных формах.

(Например, я предпочитаю готовить еду на 1 раз, чтобы съесть ее свежей и горячей.

Исключения типа «суточных» щей, сложных салатов с заправкой или свинины, запеченной большим куском и теряющей неприятный запах после остывания, являются исключениями, подтверждающими правило.

Но бабушка моей 1-й жены Мария Емельяновна Наумова, заправлявшая в семье хозяйством и готовившая 1-2-3-е блюда к каждому обеду, «накладывала» одно меню на другое. В холодильнике у нее всегда стояли 2 кастрюли борща и 2 блюда с жареным морским окунем. На сетования домочадцев, что свежее вкуснее и незачем тратить силы на дополнительную готовку, хозяйка предлагала всем есть новое, а сама питалась вчерашним и позавчерашним.

Не думаю, что Мария Емельяновна любила порченное; просто ей жилось спокойнее, когда дома имелся запас еды мере на 2 дня.)

Денис Артемьевич Владимиров тоже очень любил поесть.

Не «есть», а «поесть»; знающие толк в еде меня поймут.

Лозунг «*надо есть, чтобы жить – а не жить, чтобы есть*», всегда был уделом плембеев, даром, что выдвинул его, кажется, Сократ.

Жить под ним могут лишь люди, никогда не едавшие ничего слаще морковки.

(Сам я всю жизнь жил, чтобы есть.

Хорошая еда составляла для меня и одну из главных радостей жизни и ее смысл.

Даже сейчас я предпочту умереть, нежели есть макароны, кашу или пельмени из бычьих гениталий.)

В этом отношении Денис Артемьевич – узанный мною достаточно близко уже в зрелом возрасте – оказался моим братом по духу, равного которому я встречал, пожалуй, лишь в Игоре Николаевиче Максимове, неистощимом в поиске гастрономических наслаждений.

Причем Владимиров не был простым гурманом, он виделся мне эпикурейцем.

Если, конечно, это благородное греческое слово применимо к обычному советскому человеку времен, когда даже в Ленинграде не всегда удавалось найти настоящий торт «*пранлине*».

6

Я не знаю в точности, как складывалась студенческая судьба Дениса Владимировича.

Мама говорила, что он был старше (при советской борьбе с тунеядством, в отличие от нынешних времен, каждый год возраста среди студентов оказывался видимым), уходил в академический отпуск по состоянию здоровья (последствия пережитой блокады дали о себе знать!), затем восстановился на их курс.

В те годы я не сильно интересовался подробностями, но позже узнал, что сначала он учился на философском факультете ЛГУ, а уже потом перешел на математико-механический. Этот факт меня не удивляет; умный человек может быть кем угодно – даже историком – но вершина ума все-таки есть математика.

Денис Артемьевич Владимирович был самым умным из всех моих знакомых, хотя порой и прикрывался показной небрежностью высказываний. Об уме его говорит тот факт, что моя мама, умнейшая из умнейших, дружила с ним всю жизнь: со студенческих времен, а потом заочно-дистанционно, до самой его кончины.

А на матмехе Денис Владимирович был не просто другом, но человеком, с которым мама могла посоветоваться по любому вопросу.

На курсе девушек имелось достаточно, многие дружили. Всю жизнь оставались подругами моя мама, Елена Александровна Быкова (впоследствии Максимова), Таисия Арефьевна Тушкина (замуж не вышедшая) и Галина Павловна Матвиевская, сохранившая свою «*дев. фам.*» по причине, обычной для женщин, начавших ученую деятельность до замужества.

(Галина Павловна известна всему миру как специалист по истории математики, доктор наук и член-корреспондент Академии наук.

С ее дочерью Инной Рахимовой-Зубовой, ныне доцентом Оренбургского государственного университета, мы учились в одной группе, дружили тогда и продолжаем дружить до сих пор.

А ее муж, ученый-биолог, доктор наук профессор Карим Рахимович Рахимов тоже сделался одним из моих старших друзей, хотя мы виделись редко.)

Эпоха маминых студенчества и аспирантуры выпала сложной; на те годы пришлась смерть Сталина, хоронить которого некоторые ездили в Москву. Вопросы мировоззрения – и простые бытовые проблемы – будоражили юные умы, решать их приходилось на ходу (и почти всегда с опасением за излишнюю откровенность). Вспоминая те времена, мама часто рассказывала, как в самых трудных ситуациях они с подругами говорили друг другу:

– Надо посоветоваться с Денисом!

И совет всегда оказывался дельным, точным и безупречным. Опередив всего на 1 год по рождению, Владимирович был старше сокурсниц на целую жизнь. Думаю, причиной служила не только пережитая блокада, он просто родился мудрым.

Эта врожденная, не объяснимая ни воспитанием, ни образованием мудрость была, пожалуй, одной из главных, не подверженных временным изменениям черт моего старшего друга.

(Как, дополняя Ремарка, скажу, что еврей всегда рождается не только старым, но и умным.)

Манера Дениса Артемьевича подразумевать, не высказывая – вкладывать в реплику подтекст, ясный заинтересованному и проходящий мимо равнодушного – по сию пору видится мне, дипломированному художнику слова, непревзойденной.

Вспомню один эпизод из моей ранней студенческой поры.

(Меня могут упрекнуть в нарушении хронологии, в скачках туда и сюда, то на 10 лет вперед, то на 20 назад.

Но я пишу не биографию; я рисую портрет и потому не слежу за ходом времени, иллюстрирую детали фактами в тот момент, когда они приходят на память.)

Тогда мы (с мамой, приехавшей ко мне в Ленинград) были в гостях у Владимировых, сидели за столом, ели (а еда в семье Дениса Артемьевича всегда могла дать 100 очков вперед моему любимому кафе «Север» (с профитролями в шоколадном соусе) и даже ресторану «Метрополь») и пили.

Валентина Борисовна решила показать рисунки Тёмы, бывшего моложе меня то ли 11, то ли 12-ю годами. Все знали, что я рисовал (талант пришел от деда Василия Ивановича, во время совещаний украшавшего блокнот танками), хоть и не двинулся вперед на том поприще. А вот младший Владимиров продвинулся, впоследствии учился на архитектурном отделении Академии Художеств.

Но в тот год Артемий Денисович был просто Тёмой и рисовать только начинал.

Показав нам удачный абрис «*речной лошади*» (будущий архитектор, кажется, читал «*Айболита*»), Денис Артемьевич сказал:

– *Мне очень нравится этот рисунок. Этот бегемот похож на политически покойного Бакельмана!*

И мы понимали, почему известный математик Илья Яковлевич Бакельман, отбывший на историческую родину, аттестован «*политически покойным*»: в те годы отъезд еврея на историческую родину был поступком не только смелым, но опасным для его окружения, от родственников до друзей из близкого круга. Не сказав ничего особенного, Денис Артемьевич сказал все.

Вообще, будучи поклонником слова, отмечу, что математик – никогда не бывший филологом! – Владимиров к слову относился с пониманием его цены.

Могу ошибаться, но мне сдается, что в молодости он писал стихи. Человек духовно (и душевно!) богатый всегда бывает разносторонним, его таланты проявляются в самых неожиданных направлениях.

Меня покоряла – и восхищает до сих пор! – тщательность подхода Дениса Артемьевича даже к таким неизменяемым сущностям, как имя и отчество.

Сам я, при понимании несчастья «*квадратных*» ИО, горжусь своим римским именем.

Владимиров гордился еще сильнее; имя и отчество его оказались еще более древними – греческими.

По-гречески родовым Артемием он нарек и сына – долгожданного и появившегося поздно по причине позднего брака.

(В моей жизненной практике имеется аналогичный случай, относящийся к упомянутому Эрнсту Гергардовичу Нейфельду (потомку припущенников Екатерины послепугачевских).

Своего сына, тоже оказавшегося моложе меня 10-ю годами при том, что сам он был ровесником моей мамы, Нейфельд назвал в честь деда Герхардом.)

Сейчас ни Денисами, ни Порфириями ни даже Игнатами никого не удивить, в 40-50-е годы прошлого века ситуация была иной.

Молодым Владимиров подчеркивал космополитизм своего имени всеми способами.

В нашей домашней библиотеке (канувшей в Лету после катаклизмов) имелось иллюстрированное руководство по правилам хорошего тона. Издание было немецким – кажется, переизданным в ГДР оригиналом догитлеровских времен: в те годы буржуазные предрассудки страной победившего социализма не просто игнорировались, а почти преследовались. Книгу подарил мой маме Денис, о чем сообщала надпись на фронтисписе, сделанная на латыни по всем правилам мертвого языка. Имя дарителя было подано в оригинальной орфографии:

«Dionisius»

Мальчишкой я не задумывался о том, что означает это имя *ab origin*. Только листал книгу, где на каждой странице были изображены фрау с прическами «*валиком*» и ногами, плохо видными из-под длинных приталенных юбок.

Позже я узнал, что имя «*Денис*» расшифровывается как «*склонный помогать другим*» – это Владимиров оправдал на 200 процентов.

И, кроме того, греческий бог виноделия Дионис иногда представал в иной ипостаси – был Бахусом, то есть богом пьянства.

Последняя трактовка кажется мне 1 000 раз верной, а тему я раскрою в следующих главах.

7

Владимиров был для меня таким же атрибутом детства, как сосед по лестничной площадке дядя Анвар (Анвар Исламович Мансуров) или молочница тетя Лена, каждый день сидевшая у бочки перед гастрономом через дорогу.

(Написав это предложение, осознал, что само слово «гастроном» сейчас покажется непонятным большинству молодых читателей... хотя вряд ли эту книгу станут читать молодые.)

Не виденный никогда в жизни...

(Или, возможно, виденный бессознательно году в 1960-61-м, во время одной из поездок на родину бабушки под город Череповец при ленинградском транзите.

В ту пору, когда мы познакомились с Миланой, дочерью Игоря Николаевича и Елены Александровны Максимовых.

О чем в 1984 году, на банкете после защиты моей диссертации, завкафедрой математической физики матмех факультета ЛГУ профессор Нина Николаевна Уральцева напомнила на радость всем:

– Виктор с Миланой – однокоршечные брат и сестра!

И была права.)

Не имел осознанного образа, Владимиров был «дядей Денисом».

Как «тетями» и «дядями» оставались все взрослые, вызывавшие симпатию и уважение.

Например, «дядя Саша» – народный художник БАССР Александр Данилович Бурзянцев, муж маминой одноклассницы (и тоже математика) тети Литы; «дядя Ахмет» – упоминавшийся старый дедов друг А.В.Янгуразов (сидевший в 1937 и выпущенный после письма Сталину, отправленного на волю в мундштуке папиросы «БеломорКанал»...) И даже мамин дядя, брат моей бабушки Серафим Александрович Хабаров, проходил как «дядя Сима».

«Дядя Денис» находился в разряде добрых персонажей – как Буратино, Чиполлино, мышонок Пик или медвежонок Егорка.

Тому было много причин.

Я родился в 1959 году, мама защитила диссертацию в 1961-м. После окончания аспирантуры она регулярно ездила в Ленинград. Сначала к своему научному руководителю профессору Николаю Андреевичу Лебедеву (1919—1982), потом по делам, связанным с процессом получения документов. И общалась с сокурсниками-ленинградцами, от которых ее отделяло еще немного лет: Тасей Тушкиной, Леной Быковой-Максимовой и, конечно, Денисом Владимировым.

Мама продолжала летать в Ленинград и позже. Часто, привозя новую немецкую модель самолета или красивую книжку с фотографиями животных, говорила, что это «от дяди Дениса».

Про Владимирову мама мне и рассказывала – чем дальше, тем чаще вспоминая матмеховские годы.

(Одним из первых впечатлений о матмехе ЛГУ оказался мамин рассказ о женщине, которую звали

Изида Пантелеймоновна Пипунырова

Не помню, кем она была; кажется, работала в деканате – осталась лишь секвенция И – О – Ф, подобной которой я не знаю.)

В годы учебы мама была полностью счастлива.

У нее имелось будущее: любимая математика, любимый матмех, любимые преподаватели (например, Григорий Михайлович Фихтенгольц (1988—1959)), любимые сокурсники, любимый жених (мама упоминала его как «Геню», только я не удосужился уточнить, был он Геннадием или Евгением, и не помню фамилии).

И был верный друг Денис, какие выпадают далеко не каждому.

Вырастая сиротой, я долгое время не ощущал материальной ущербности: став доцентом Башгосунiversитета, мама зарабатывала хорошо. Да и бабушка еще какое-то время оставался начальником, потом получил персональную пенсию союзного значения (установленная единой в размере 140 рублей и не подлежавшая индексации, к концу жизни она стала скромной, но в 60-е годы была солидной). Но тем не менее Денис Артемьевич, оправдывая трактовку имени, никогда не упускал случая послать мне маленький подарок.

Ведь, тонкий и глубокий как никто, он знал, что материальное остается материальным, а живое человеческое участие порой стоит больше прочих благ.

По маминым рассказам (и по его подаркам) Денис Артемьевич Владимиров представлялся мне...

Кем он представлялся тогда, сказать трудно.

Сейчас (обращаясь к визуальной параллели с актерами) я понимаю, что видел мамино сокурсника в образе... На самом деле ни в каком образе я его не видел, он был слишком велик.

У мамы в Ленинграде имелись старые друзья Брускины: Итта Хаши-Гиршевна (потерявшая руку в 1 мировую войну и носящая странное отчество потому, что паспортистка неправильно переписала составное имя отца «Хаим-Гирш»), ее незамужняя младшая сестра Рива и совсем младшая Перла с мужем Давидом Юдовичем.

Они жили на улице Декабристов, летом 73-го (как всегда) отдыхали в Сестрорецке, и мы остановились у них. У Брускиных имелся старенький черно-белый телевизор, показавшийся мне небывалой роскошью. Моя радикальная бабушка, ведомая идеей о вредности телевидения, не позволяла купить аппарат вплоть до моего 10-класса. Хотя сейчас я понимаю, что тем самым она принесла пользу: вместо просмотра глупых сериалов о 4 собаках и 1 танкисте я прочитал 50 томов Большой Советской Энциклопедии синего «*сталинского*» издания (с вырванным портретом и допечатанной вставкой в том, куда пришелся Лаврентий Павлович Берия).

Прилетев и еще не побывав у Владимировых, по вечерам мы жадно смотрели все возможные передачи.

В 1973 году впервые показывали «*Семнадцать мгновений весны*». Насколько помню, им угощали советского зрителя с интервалом в несколько дней; приступили мы в Ленинграде, кое-что из середины видели на обратном пути в Москве у двоюродного деда, полковника инженерных войск Никанора Андреевича Барыкина (телевизор был цветным, но фильм имел монохромный релиз...), а последнюю серию смотрели в Уфе у «*дяди Бори*» – соседа по площадке Бориса Алексеевича Климова.

Впрочем, вспомнил я эпохальный фильм в контексте этой книги лишь потому, что мама, увидев на экране пастора Шлага, закричала:

– *Вылитый Денис!!!*

Мой сложившийся образ сильно пошатнулся; я, кажется отождествлял Владимирова со Штирлицем.

(Хотя на склоне лет мне ясно, что Штирлиц, согласно актерскому жаргону – всего лишь «штаны» в красивом мундире.

А Шлаг – Вселенная, какой был и мой старший друг.)

О встрече с реальным Денисом Артемьевичем, состоявшейся через неделю, я напишу в следующей главе; сейчас возвращаюсь к своему доленинградскому детству.

Как я уже сказал, женился мамин друг поздно; будущий архитектор Артемий Владимирович Владимиров ошастливил свет появлением, когда я находился в сознательном возрасте и с интересом воспринял весть о том, что у дяди Дениса появился сын.

И хорошо помню, с какой радостью отдал маме одну из своих любимых книжек – иллюстрированную, напечатанную форматом А4 повесть Гарина-Михайловского – для того, чтобы ее отослали в Ленинград.

Денис Артемьевич относился к воспитанию сына серьезно и решил, что первой прочитанной книгой должна быть «Тёма и Жучка».

(Для читателей 21-го века поясню, что в 70-е годы книги – особенно детские и с картинками! – были на вес золота, их передавали из руки в руки многие поколения.

Например, я был счастлив дарам тети Оли – Ольги Серафимовны Хабаровой (в замужестве Барыкиной) – маминой двоюродной сестры и по совпадению жены папиного брата дяди Миши: «Лесной газете» издания 1948 года и «Марке страны Гонделуны» 1941-го.

Поэтому подарок, сделанный неизвестному Тёме был царским.)

Одним из воспоминаний предотрочества остался осенне-зимний период 1971 года, когда мне было 12 лет и я учился... пожалуй, в 6-м классе.

В те поры, начитавшись приложения к журналу «Юный техник», я заблажил, что хочу иметь хорошую модель железной дороги. Время желаний совпало с пребыванием мамы на ФПК – «факультете повышения квалификации», семестровых курсах переподготовки, куда в советское время преподаватели ВУЗов отправлялись раз в 3 года с сохранением зарплаты.

(Я и сам успел побывать на таких 2 раза во времена работы в БГУ.)

Разумеется, мама для постквалификации выбирала родной магмех ЛГУ – где деканом ФПК был Денис Артемьевич! – и останавливалась обычно у Брускиных (Максимовы были рады принять, но у них в 70-е годы имелись всего 2 комнаты в «коммуналке» при 5 членах семьи).

Типоразмеров игрушечных железных дорог производства ГДР (точных копий подвижного состава, путей и строений) существовало много, в СССР присутствовали 3, имевшие буквенные обозначения по ширине колеи (зависящей от масштаба): $N=9$ мм, $ТТ=12$ мм и $НО=16$ мм. Самым «продвинутым» был последний; его модели имели не только надписи, но и заклепки на дверных петлях, не говоря о вариантах подсветки: реверсивно переключающихся фар на локомотивах, отдельно горящих бра над столиками вагона-ресторана. Самым «бюджетным» (по нынешней терминологии) оказывался первый, с надписями, читаемыми в лупу. И тот и другой выпускались фирмой «РІКО», лидером электрических игрушек стран-членов СЭВ. Кто выпускал «ТТ», я забыл. Помню лишь, что мама не смогла сама выбрать из трех, ей потребовался консультант.

Разумеется, за помощью она обратилась к Денису.

Оказалось, что он коллекционирует железную дорогу типоразмера «ТТ», который превосходит продукцию «РКО» и по детализации и по ассортименту и по интегральному критерию «интересности», но все-таки великоват, поскольку для «игры» всерьез требуется целая комната.

Тогда я был просто обрадован квалифицированной подсказке: мама купила дорогу «N» – базовый комплект, коробку рельс и великолепный паровоз; потом я продолжал добирать коллекцию до 1984 года, до отъезда из Ленинграда.

Сейчас меня поражает другое.

В 1971 Денису Артемьевичу Владимирову исполнилось 42 года, но он продолжал собирать модель железной дороги.

В наши дни окружающих мужчин – ровесников и старших – я могу представить собирающими лишь колорадских жуков с картошки.

Хотя, распространяя мысль Гёте, назвавшего коллекционеров «счастливыми людьми», скажу, что собирательство есть показатель духовного богатства человека, не ограничивающего кругозор амбразурой минимальных жизненных интересов.

В Ленинграде 70-х годов все интеллектуально развитые люди что-то коллекционировали: от театральных программ до экслибрисов.

Да и не только в Ленинграде; в аспирантуре я познакомился с одним профессором-математиком (кажется, датчанином) который рассказывал, что весь чердак своего дома занял железной дорогой с колеей 16 мм.

(Сам я на протяжении жизни собирал насекомых, морских животных, почтовые марки (коллекция Германии насчитывала несколько тысяч единиц), модели железной дороги и сборные модели самолетов... до последних лет, коллекционировал пистолеты.

И ужас жизни, прошедшей не там, не тогда и среди не тех людей, выражается тем, что в богом проклятой Уфе я знал всего одного коллекционера.

Математик, коллега мамы по Башгосуниверситету Михаил Бейнешевиц Гельфанд собирал магнитофонные записи интересных исполнителей. В 70-е годы это было делом нелегким.)

Потрясающей была эрудиция, Дениса Артемьевича, безграничными были его жизненные интересы.

С ним удавалось поговорить о чем угодно, обсудить любые вопросы: от конструкции сверхзвуковых истребителей III поколения до сравнения двух Эрмитажных Данай: Рембрандтовской (молодой женщины, озаренной предощущением перемен) и Тициановской (публичной девки, уставшей от разврата).

Прожив небедную жизнь, я скажу, что не знал второго такого человека, не только обладавшего знаниями, но имевшего собственную точку зрения по всем вопросам.

8

Мое реальное знакомство с Денисом Артемьевичем Владимировым произошло, как уже сказано, летом-1973.

О том гласит запись в моем дневнике №2, охватывающем период с 3 декабря 1971 года по 29 июня 1975:

3 августа 1973 г.

Встретились с Денисом Артемьевичем. Он принес трансформатор. Долго смотрели, как горел Горный институт.

(Поясняю: как положено всякому порядочному мальчику из интеллигентной семьи, я вел дневники с 1967 по 1993; во всех житейских бурях сохранились 5 общих тетрадей, к которым я в последнее время обращаюсь регулярно, выискивая крупинки для мемуаров.

Начинал я их, естественно, под маминым давлением, первые 3 тома грешат лапидарностью, поскольку фиксируют лишь основные события (что сейчас представляет особую ценность – например, запись от 28.06.74 о концерте Георга Отса, на котором мой любимый певец был подшофе и держался за рояль, чтобы не упасть...)

Позднейшие дневники отошли от хронологии и содержат в основном мысли тех лет, которые сейчас тоже кажутся интересными.)

Первая встреча с Владимировым состоялась на набережной Невы около Горного института и в общем прошла мимо меня.

(Отмечу также, что из разряда «дядей» Владимиров естественным образом перешел в категорию И.О.; мама всю жизнь боролась с моей привычкой к детскому панибратству.

Что не помешало мне и в возрасте без малого 40 упорно величать «дядей Лёней» своего старшего друга Леонида Леонидовича Артемьева, мужа маминой уфимской подружки Ирины Борисовны Лермонтовой, внучатой племянницы поэта.)

Мне едва исполнилось 14, меня больше интересовала сама Нева, где еще несколько дней назад – 29 июля, в день ВМФ – стояли расцвеченные флагами военные корабли, среди которых возвышался воспетый Николаем Тихоновым крейсер «Киров».

Я не просто встал на очередную ступень своего взросления, кипя на вулкане гормонов.

Я вырвался из уфимского болота, где круг общения был ограничен никчемными одноклассниками (ни к одному из которых за всю жизнь я не испытал капельки интереса) да стариками: моим дедом и соседями по подъезду, дядей Борей Климовым и дядей Анваром Мансуровым – и попал в общество взрослых мужчин. Умных, колоритных, острых, и – самое главное! – находящихся на вершине зрелости.

Живя на квартире Брускиных, мы много времени проводили с Максимовыми и Симбирцевым.

Постоянно ездили к маминым университетским друзьям, ныне известным Петербургским профессорам – замечательнейшим, умнейшим и интереснейшим людям, о существовании самого типа которых я не имел понятия, произрастая в Уфе.

Среди них были Борис Михайлович Макаров и его жена Нина Васильевна, Игорь Карлович Даугавет, его жена Валентина Александровна и сестра Ольга Карловна (тоже математики), Виктор Лейбович Файншмидт и его жена, имени и отчества которой я, увы, не запомнил.

Несмотря на пертурбации, у меня сохранился кустик белого коралла, привезенный от Файншмидтов – подаренный мне тезкой, которого в те годы продолжали звать матмеховским ником «Файн».

Ездили к другому интересному человеку, довоенному другу моей бабушки Ивану Петровичу Корнилову – скрипачу из оркестра театра им. С. М.Кирова, владевшего инструментом работы Амати.

Да и сам великий город, обрушивавший со всех сторон то Пушкина, то МонтФерранда, то Музей Ракетных войск и Артиллерии, оказался (и остался до сих пор) одним из величайших впечатлений.

Денис Артемьевич был сильно занят: он работал в предметной комиссии, а те дни пришлось на самый разгар приемных экзаменов, которые в 1973 году были строже, нежели нынешняя натурализация в США – поэтому встреча произошла на ходу: он то ли шел на работу, то ли возвращался домой.

Взрослые разговаривали о каких-то чисто педагогических делах (моя бедная мама, фанатически увлеченная, всю жизнь могла бесконечно говорить о студентах, аудиторных часах, учебных программах...), а я был поглощен интересным зрелищем – пожаром Горного института.

Здание горело глубоко внутри, языки пламени вырывались из окон слабо, но черная куполообразная кровля была раскалена до такой степени, что над ней стояли столбы пара, в который превращалась вода, изливаемая из десятка пожарных шлангов.

Я смотрел и надеялся, что вот-вот произойдет нечто радикальное: рухнет крыша или появится серьезный огонь. А мама и ее старый друг обсуждали, какая судьба ждет абитуриентов, чьи работы сгорят дотла (вступительные экзамены в ВУЗах СССР шли одновременно и начинались в один день, привычного ныне поступления сразу в 10 «академий» разных городов не было).

Но тем не менее та первая встреча полностью проявила Дениса Артемьевича Владимировича как человека: он принес трансформатор для железной дороги.

(Непонимающим поясню.

Стандартный «базовый» набор любого типоразмера содержал простейший пульт управления на плоских батарейках «КБС-Л». Помимо неудобства (система работала по принципу «вкл-выкл» с 2 ступенями скорости) он требовал непрерывной замены элементов, в те времена дефицитных, как и всё.

Разумные немцы все предусмотрели; в ассортименте фирмы «РІКО» имелся универсальный источник питания – сетевой трансформатор с бесступенчатой регулировкой выходного напряжения и отдельными клеммами на 16V для автоматических стрелок, семафоров и прочего оборудования.

Трансформаторы пользовались большим спросом: увлечение моделями железных дорог в Ленинграде носило повальный характер, при поступлении в детский универмаг «ДЛТ» источники питания разбирали за несколько минут, зайти и купить его просто так было почти невозможно.)

Загруженный делами выше головы, Денис Артемьевич все-таки нашел время «уловить» драгоценное изделие, и назначить встречу с нами.

Тем самым он показал свое отношение и к памяти матмеха и к моей маме и ко мне – еще неизвестному ее сыну.

Кому-то такой факт может показаться мелочью, мне рисует человеческую сущность героя.

9

Следующая встреча с Владимировым произошла без малого через год, я уточнил это по тому же дневнику №2:

20 июня 1974 г.

Вечером ходили к Денису Артемьевичу. Там видели 8-кг кота.

(Ничего удивительного нет в том, что я отмечаю этапы знакомства в точной последовательности; я хочу показать, как замечательный человек входил в мою жизнь.)

Итак, в 1974 году мы пришли в гости к Владимировым – посетили их ужасную со всех точек зрения квартиру среди проходных дворов Васильевского острова.

Именно ужасную; люди, знающие Петербург по рекламным сайтам, не представляют, сколь кошмарен на самом деле этот город. По сути гроб повапленный, парадный с фасада и гнилой со двора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.